

2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. - Л., 1940. - С. 506.
3. Абай – душа казахов // Мир Абая, 2004. – С. 99-101.
4. Ананьева С. Литература Казахстана. Взгляд из Франции. Вопросы литературы и искусства. – Алматы: Қағанат-ҚС, 1999. – С.86-93.
5. Нарымбетова К.А. Особенности рецепции казахской литературы в США во II половине XX века: автореф.дис. – Алматы: Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби, 2008. – С. 29.
6. Машакова А.К. Казахская литература в современной зарубежной рецепции. автореф.дис., к.ф.н. Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова. - Алматы, 2008. – С. 29

Түйіндеме

Осы бапта шетел рецепциясында Қазақ әдебиеті сұрақтары туралы қазақстандық әдебиеттанушының өкілдерінің ғылыми жұмыстарының шолуы істелген.

Resume

In this article is given an overview of scientific representatives of Kazakh literature on issues of Kazakh literature in the foreign reception.

УДК 82 – 1 - 9 (574)

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ В КАЗАХСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ С. САНБАЕВА, А. АЛИМЖАНОВА, А. КЕКИЛЬБАЕВА)

Н.У. Исина

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана*

Историческая проза в своем становлении и развитии прошла длительный путь, эволюционируя и видоизменяя жанровую природу всей литературы. Синтез реалистического повествования с романтическим, изображение настоящего и прошлого, мифологического объективировали образование всевозможных жанрово-стилевых, гибридных форм, как «рассказ-притча», «повесть-сказка», «роман-миф». Это, в свою очередь, обусловило и качественное изменение типов и форм повествования, своеобразный характер соотношения автора и героя, особенности выражения авторской позиции.

Художественное произведение как результат творческой фантазии художника слова, конкретной личности, отражает его мировидение и мировосприятие. Автор может выражать себя непосредственно и опосредованно, то есть через персонажей: «Субъектную форму выбирает автор, и сам этот выбор субъектной формы обусловлен идейной позицией и художественным замыслом писателя» [1, 20]. Это обстоятельство позволило Б.О. Корману сделать заключение о том, что «каждое эпическое произведение представляет собой текст, принадлежащий одному или нескольким субъектам речи» [1, 43.]

Анализируя поэтику художественного текста, его компоненты, исследователь вводит в научный оборот понятие «субъектная организация повествования», содержание которого раскрывает следующим образом: «Субъектная организация произведения есть соотносительность текста с субъектами речи» [1, 43.]

Таким образом, основным структурным компонентом художественного текста является именно субъект повествования, от характера которого зависит тип и форма повествования. В этой связи существенным представляется положение современного исследователя Н.А. Кожевниковой: «Типы повествования в художественном произведении организованы обозначенным или необозначенным субъектом речи и облечены в соответствующие речевые формы. Зависимость между субъектом речи и типом повествования носит, однако, непрямой характер. В повествовании от третьего лица выражает себя или всезнающий автор, или анонимный рассказчик. Первое лицо может принадлежать и непосредственно писателю, и конкретному рассказчику, и условному повествователю, в каждом из этих случаев отличаясь разной мерой определенности и разными возможностями» [2, 3-5]. Аналитическое прочтение произведений русской литературы в контексте обозначенной проблематики позволило исследователю сформулировать еще один принципиально важный вывод:

«Не только субъект речи определяет речевое воплощение повествования, но и сами по себе формы речи вызывают с известной определенностью представление о субъекте, строят его образ» [2, 3-5].

Анализ произведений казахской исторической прозы 60-70-ых годов прошлого столетия в аспекте поэтики повествования представляется наиболее продуктивным, так как в ней можно обнаружить разнообразные формы и типы повествования, множество повествовательных инстанций. В этом ряду особо следует выделить творчество С. Санбаева, повести и романы которого отличает своеобразное национальное мироощущение автора.

Книга «Когда жаждут мифа» - это многоплановое полотно, отображающее степную жизнь от древнейших времен до современности. Духовный мир кочевья, добро и зло, высокий трагизм людей, стремящихся найти свое место

в жизни – такова тема произведений писателя. Герои повестей С. Санбаева – это степные обитатели, древние воины, зодчие, современные табунщики, мастера древних профессий – беркутчи.

Сюжет повести «И вечный бой» воссоздает картины далекого прошлого. Примечательно, что в заглавие произведения вынесена поэтическая строка из стихотворения А. Блока. Эпиграфом является первое четверостишие из этого стихотворения. Это своеобразная авторская интерпретация древней легенды. Необычной представляется структура повествования: повесть обрамлена авторским вступлением. Присутствие автора-повествователя подчеркнуто выражено в эпизоде о древнем памятнике Секер, легенда о которой сохранилась в степи: «Но старики расскажут тем, кто по-настоящему заинтересуется мавзолеем, древнюю быль. И я знаю, что грустное имя Секер не имеет отношения к этому сооружению... А может быть, при нем еще стоял величественный мавзолей красавицы Секер, стоял, словно укор соплеменникам? Но время не пощадило его. Зато сохранило легенду...» [3, 7-8]. Далее вступает в повествование сама легенда, рассказанная от лица героев – участников исторического события. Повествование ведется в нейтрально-авторской форме. Автор-повествователь выражает себя и через характеристики персонажей, описание деталей их внешнего облика. «Она вышла из аула давно, и полосатый мешок был почти полон. В другое время старуха с таким грузом обычно возвращалась домой, но сегодня она ковыляла от куста к кусту, все удаляясь от аула, и глаза ее привычно обшаривали мягкую от летней пыли рыжую землю. Лицо старухи – сухое, горбоносое – становилось спокойней, и веки медленно заволакивали усталые глаза» [3, 8]. Авторская оценка персонажей субъективирована в портретной зарисовке героини Самиги, вступившей в конфликт с Ботаканом, вождем кипчаков. Повествовательную структуру основной части произведения образуют речевые потоки, включающие монологи, диалоги героев Самиги, Ботакана, Секер. Голос автора-повествователя звучит в заключение повести.

Своеобразие повествования прозы С. Санбаева заключается в том, что автор-повествователь в структуре произведения занимает нейтральную позицию. Он комментирует, оценивает мысли, поступки героев. Повествование, таким образом, ведется в нейтрально-авторской форме. Композиция повести «И вечный бой...» двуплановая: в ней отражены события далекого мифологического прошлого (исторический хронотоп) и современность (хронотоп автора-повествователя). Реалистическое и мифологическое повествование, гармонично сочетаются, дополняя современную повесть глубоким философским содержанием. Внутреннюю, содержательную композицию повести составляют множество нарративов (повествований). В повести «И вечный бой...» можно условно выделить несколько нарративов, закрепленных за образом-персонажем: нарратив автора-повествователя,

нарратив Самиги, нарратив Ботакана, нарратив Секер. Каждый нарратив обладает самостоятельностью, но при этом взаимодействует с предыдущим и последующим, опровергая или дополняя его. Так, нарратив Самиги, утверждающей бессмысленность кровопролитных войн, противоположен нарративу Ботакана, одержимого идеей защиты Родины. Нарратив Секер совершенно отличается от двух предыдущих. Будучи пленницей, она сознательно принимает другой образ жизни, хотя внутренне не порывает с прежней жизнью, мысленным взором стремится к себе на родину.

Повесть «Когда жаждут мифа» также отличается композиционной дуплановостью. Художественная действительность дана в двух плоскостях: «реальность» и «миф», - которые своеобразно чередуясь, пересекаясь, создают эффект единого, целостного хронотопа. Главные герои повести – молодой художник Булат, старик Елен, древний зодчий Шакпак. Наваянные романтическими чертами, герои немногим напоминают горьковских персонажей. В реальной художественной действительности живут герои повести: табунщик, живая легенда, сказочник Елен и художник Булат. В повествовательной структуре произведения можно условно выделить несколько нарративов, также закрепленных за каждым образом-персонажем: нарратив Булата, нарратив Елена, нарратив Шакпака. Все названные нарративы можно условно обозначить другими определениями, как-то: исторический, современный и мифологический нарративы. Связь времен и духовное родство поколений прослеживается во внутренних устремлениях и порывах героев, творящих искусство Шакпак – творец-художник прошлого, Булат – современный художник, возрождающий древнее искусство Шакпака – это два мира, две эпохи, которые связывает воедино сказитель-певец Елен. Повествование ведется в нейтрально-авторской форме. Автор-повествователь изображает события глазами Елены. Так, экспозицией повести выступает картина схватки косячных, которую наблюдает табунщик Елен. «Косячные дрались насмерть. Прошло больше часа, как схватились жеребцы, уже заметно рассвело над землей, а бой не утихал...» [3, 32].

Авторское повествование преобладает в эпизодах, рисующих героев-персонажей, участников художественного события. Но точка зрения героя-рассказчика присутствует постоянно. На это указывают некоторые подробности поведения косячных, которые известны только табунщику Елену. «В пылу схватки животные постепенно приближались к кибитке табунщиков, и только старый Елен понимал, что это – уловка его любимца, голубого жеребца...» [3, 32]. Устами героя Елена автор рассказывает древнюю легенду о зодчем Шакпаке. Современный нарратив, рассказ Елена сменяется мифологическим повествованием, в котором ведущим становится голос древнего мастера, обучающего молодых искусству созидания мира. «Со временем, когда имя Шакпака приобрело известность, вожди сами стали

приводить к нему учеников.... Тогда и начал Шакпак отсылать обратно в аулы тех, кто подражал ему. Уверял вождей, что они уже все умеют и нет смысла держать их в горах» [3, 74]. Мастер Шакпак построил дворец, в котором, по его признанию, живут рабы. Монолог героя, рассказ от первого лица «снимает» некоторое однообразие авторского повествования, придает особую энергию ритмике и внутреннее напряжение и сюжетной истории.

Как и предыдущее произведение, повесть «Когда жаждут мифа» С. Санбаева обрамлена авторским повествованием. Но в отличие от первой повести, во второй повести авторское обрамление объединяет два речевых потока: события описываются с точки зрения табунщика Елена и художника Булата. Многообразие повествовательных форм в прозе писателя С. Санбаева объясняется множественностью нарративов, которые переплетаются, пересекаются, создавая иллюзию единого и целостного повествования.

Литературный дебют Ануара Алимжанова начинается с публицистики. Будучи журналистом, он объездил всю страну, был в странах Запада и Востока. Впечатления об этих поездках и раздумья о судьбе человечества он сумел воплотить в своих ранних очерках, рассказах и повестях. Первые критики и исследователи творчества писателя отмечали публицистичность как одно из главных проявлений писательской манеры прозаика.

Раннюю историческую прозу А. Алимжанова представляют повести «Караван идет к солнцу», «Синие горы», «Сувенир из Отрара», «Мост Карасункара», которые выходили в печати отдельными изданиями, в сборниках, а также опубликованы в трехтомном собрании сочинений автора. Сюжетную основу повести «Караван идет к солнцу» составляет история молодых людей Аскара и Жомарта, бывших студентов, ныне специалистов, приехавших в родной аул. Оба интересуются историей родного отечества. Практически все события и действия разворачиваются в реальной современной действительности. Временные рамки повествования охватывают примерно 50-60-ые годы. Свообразие повествования заключается в разнообразии нарративных форм, в которых преобладает субъективно-объективная форма повествования. Примером этого служит начало повести «Караван идет к солнцу». «Что это был за праздник! Первый, настоящий, большой праздник в жизни Аскара. В голубой, усыпанной красными маками долине у подножия зеленой горы собрался народ из всех окрестных аулов. Кто пешком, кто верхом – на лошадях, на верблюдах, на быках и даже на коровах – съезжался народ, услышав весть о победе. Вспомнив какую-то давнюю традицию, люди обливали друг друга в честь радостно события» [4, 6]. Вся эта картина предстает перед взором главного героя Аскара. Все последующее повествование ведется от лица героя. В эпизодах, повествующих историю самого Аскара, выступает автор-повествователь. «Летом началась война. Интернат закрыли. Аскар попал в детдом. В первый день новичок получил

крещение – ребята отняли у него еду, избили, а ночью стащили одеяло. Аскар защищался, искусал руки, расцарапал обидчику лицо, разбил окно и выскочил на улицу...» [4, 14].

Авторское повествование прерывается диалогами героев, в которых раскрывается внутренний мир героев, их отношения к происходящему. Диалогическая форма наиболее часто встречается в произведениях А.Алимжанова. Герои повестей писателя вступают в споры, дискуссии, в которых отстаивают свои взгляды на историческое прошлое. Так, в повести «Караван идет к солнцу» герой Жомарт вдохновенно рассказывает о древней культуре степных народов.

- Народы, населявшие наши степи в далекой древности, были обладателями высокой культуры строительства, - с жаром говорил он, - они строили великолепные каналы, города, крепости, дворцы. Великие города были на нашей земле [4, 44]. Диалогическая форма сменяется нейтрально-авторским повествованием, в котором описаны картины весеннего пробуждения природы. «Шли дни. На дворе уже чувствовалась близость весны. Ожили арьки вдоль улиц. Город очищался от грязи и льда, покрывающего тенистые тротуары... Весна была на редкость солнечной и теплой» [4, 51]. Внутренний мир героев раскрывается в монологах. Так, Аскар вспоминает своего первого учителя. «В те времена учитель в ауле был первым человеком, ведь он и знал больше других, читал разные книги» [4, 78].

Повесть «Синие горы» во многом отличается от предыдущей. Все повествование в ней ведется от лица героя-рассказчика Аскара. На это указывает личная форма. «Побродив по шпалам, я вошел в купе. Одному в пути всегда грустно. Я был в купе дин. Усевшись у окна, я стал смотреть на далекие очертания гор». [4, 100]. Повествование от первого лица дополняется отстраненным от лица говорящего монологом. «Вот снова ты обошел стороной свой дом», - с печалью думалось мне, хотя в доме том не было ни родных, ни близких» [4, 100]. Встреча Аскара с Анашем, разговор в купе вагона обуславливают выбор диалогической и монологической форм повествования.

Композиционная целостность и единство повести достигается благодаря гармоничному сочетанию реалистического и исторического, объективного и субъективного нарративов. Историческое прошлое (а это мифологическое, события недавней истории) проецируется в повествовательную плоскость через призму сознания героев. В собственно-прямой форме герой размышляет об истории и современности. «Казахская степь тоже древняя, но еще не прочитанная книга. Почему же до сих пор никто не решился раскопать Отрар? ... Что если разбудить угасшую память об Отраре?! Конечно, Отрар – это не космос. Но все же... И скафандр космонавта и кисточка археолога служат науке, а значит, и людям. Отрар – это многовековая тайна родной степи» [4, 142].

Голос героя и автора-повествователя соединяются в единый речевой поток в эпизодах, отражающих внутреннее состояние героя, мир его чувств и переживаний. Так, Аскар, в пути обозревая степные просторы, размышляет: «В плоской степи рождались утомительно длинные, похожие одна на другую, унылые песни. Песни-раздумья. Степь располагает к долгим раздумьям.... Быть может, потому в степи всегда много поэтов и философов» [4, 144].

Повесть «Сувенир из Отрара» представляет собой повествование о событиях четырехсотлетней давности, которые «промелькнули перед мысленным взором» Жомарта во время поездки в Индию. Герой Жомарт выступает в качестве автора-хроникера. Повествование от третьего лица, плавно переходящее в рассказ-хронику о временах правления индийских падишахов, позволяет максимально, во всех деталях воспроизвести историческую действительность. Объектом внутреннего зрения героя становятся разнообразные события, составляющие сюжетные линии повести: это история древнего города Фатехпура, его правителя Акбара Великого, рассказ о святом Сикри. Глубокие и обширные знания в области древней истории, богатое творческое воображение создают благоприятные условия для воспроизведения подлинной исторической картины. Этому, в свою очередь, способствуют общий эмоциональный тон, ритмика и темп повествования.

В несобственно-авторской форме выдержано начало повести. «Когда-то это была зеленая земля. Да и теперь она расцветает после коротких муссонов. А пока земля звенит, как сухая ржавая жезь...» [4, 150].

Природный ландшафт Индии, по дорогам которой путешествует Жомарт, показан глазами героя. Историческое предание, воссоздаваемое автором-хроникером, строго субъективировано. На это указывает наличие образных сравнений, эпитетов, характеризующие персонажей – участников события. «Разгоняя толпу, мчался часто по этой дороге двадцативосьмилетний Акбар. Избалованный победами и славой, смелый, как лев, быстрый, как лань, ласковый и хитрый, как золотистая лисица, меценат искусств, страстный и страшный шахматист – тот самый Акбар, который в истории именуется третьим падишахом Великих Моголов». [4, 150].

Объективно-субъективное повествование преобладает в эпизодах, повествующих об исторических, мифологических событиях и героях. «Акбар родился в степи во время похода. Воины отца занимались его воспитанием. Потом Хамаюн, боясь за жизнь своего наследника. Спрятал его во дворце. Акбар рос, словно в заточении». [4, 162].

В монологической форме переданы раздумья Жомарта о смысле бытия, о проблемах современной жизни.

Прошлое и настоящее неразделимо и прочно существуют в сознании и мировосприятии героев А. Алимжанова. Исторические события становятся частью современной действительности, а современность – продолжением давней многовековой истории.

Сюжетную основу повести «Мост Карасункара» составляет конфликтная ситуация между представителями старшего и младшего поколений. Конфликт происходит на уровне мировоззрений, взглядов. Карасункар – местный житель свято чтит память предков, охраняя надгробные захоронения, где приезжие археологи ведут раскопки. «Не трожь их покой. Они не расскажут о своих тайнах. Мертвые говорят лишь о смерти. Усопших чтут, не карают...» - убеждает герой [4, 233].

В несобственно-авторской форме воспроизводится история главного героя – старика Карасункара. «Старик не двигался до тех пор, пока лучи солнца, проникнув через раскрытый верх юрты и ударившись о начищенный ствол захудалой двустволки, выданной старику для охраны моста, искрами рассыпались по белой кошме...» [4, 193].

В монологической форме воссоздаются раздумья, внутренняя речь героя. «Эх ты, собачий сын... Все ждешь добра от людей. А разве люди добры? – вырвалось у старика... – Ну, к примеру, я! Разве я добрый человек? Всю жизнь старался делать добро, а оказалось, что я делал зло, что стал виновником многих бед...» [4, 195].

В повести «Мост Карасункара» имеет место и диалогическая форма повествования. Так, при встрече с Жомартом и его спутниками-археологами старик отчаянно отстаивает древний обычай помнить и почитать память предков. Обитатель местности, «живая легенда» Карасункар свято чтит память умерших и требует соблюдать обычаи народа. «Каждый казах должен знать имена своих семи предков... Не зная своего прошлого, ты хочешь знать прошлое всего народа...» [4, 251].

Историческая проза современного писателя А. Кекильбаева также отличается многообразием типов и форм повествования. Исследователи его творчества, анализируя поэтику ранних произведений автора, чаще всего относят их к неомифологической прозе. Это вполне справедливо. Писатель предлагает читателю мифологическую историю, предание в новом прочтении или через призму современной действительности. Между тем, миф, легенда, притча, составляя сюжетную основу исторических повестей А. Кекильбаева, диктуют специфические формы повествования, позволяющие сохранить их структуру и содержание. Авторская позиция к повествуемым событиям также находит выражение в композиционных обрамлениях и лирических отступлениях. Неподдельный интерес к историческому прошлому своего народа писатель А. Кекильбаев в одном из интервью объясняет главным образом стремлением «показать внутренний мир человека, мир его страданий, переживаний». И потому исторический жанр автор воспринимает как «роман воспитания, как роман человеческой судьбы»

Показательными представляются ранние исторические повести «Баллада забытых лет», «Хатынгольская баллада», «Призовой бегунец»,

«Колодец», «Состязание», включенные в сборник под названием «Степные легенды» (в оригинале «Дала балладалары»).

Повесть «Баллада забытых лет», предваряющая сборник, написана в традиционном для всей литературы тематическом ключе: личность, искусство, власть. Сюжетную основу ее составляет история юного музыканта-домбриста, сумевшего остановить враждебную войну между казахами и туркменами силой своего искусства. Авторское повествование переплетается с несобственно-авторской, монологической формами. В едином речевом потоке звучат голоса автора-повествователя, героев Жонута и пленного музыканта. В структуре оригинального произведения можно выделить авторский нарратив и исторический нарратив. В ходе повествования обнаруживаются несколько повествовательных инстанций: автора-повествователя, геодезиста Сырыма, старца – хранителя древних преданий, героев исторических событий: Жонута, пленника-домбриста.

В процессе перевода на русский язык произошли некоторые композиционные смещения, что, впрочем, не помешало автору-переводчику воспроизвести общее содержание и концепцию всего произведения. Сравнительный анализ текстов оригинала и перевода убеждает в том, что в переводном варианте отсутствует авторское обрамление. По мнению самого писателя, то было сделано с учетом восприятия казахского читателя. Но автор-повествователь в переводном тексте присутствует, о чем свидетельствует следующий эпизод из повести: «Пришел час назвать его имя – Жонут. И просить читателя запомнить это имя. Ибо Жонут пройдет, прочтится вскачь сквозь всю мою балладу. А когда испустит дух, я закончу свой сказ» [5, 62].

Сопоставление повести «Баллада забытых лет» казахского прозаика со стихотворением А.С. Пушкина «Анчар» дополняет ее новым смысловым содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корман Б.О. Пути изучения текста художественного произведения. - М.: Высшая школа, 1972. – С.15-30.
2. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе 19-20 вв. - М. : Высшая школа, 1994. – 239с.
3. Санбаев С. Когда жаждут мифа: Повести и рассказы.- Алма-Ата: Жалын, 1989.- 352с.
4. Алимжанов А. Собрание сочинений в трех томах.- Алма-Ата: Жалын, 1989. Т 2. Повести, роман. - 464 с.
5. Кекильбаев А. Степные легенды: Повести; Роман: Пер. с каз. – М.: Художественная литература. 1983. – 462 с.

Түйіндеме

Мақалада қазақ тарихи прозасындағы түрлі баяндау формалары айқындалады. Сонымен қатар автор сөзі мен кейіпкер сөзі, тарихи әңгімелеу, субъективтік және объективтік баяндау атты нормативтік формалары нақтылы мысалдар арқылы көрсетіледі. Талдау объектісі 60-70-ші жылдардағы қазақ тарихи прозасын қалаған жазушылар С.Санбаев, Ә.Әлімжанов, Ә.Кекілбаев шығармалары болып табылады.

Resume

This article deals with various declarative forms in Kazakh historical prose, reveals author's voice, as a form of historical narration and subjective and objective forms of narration. The object of the analysis is the works of Kazakh writers S. Sanbayev, A. Alimzhanov and A. Keckilbayev.

ӘОЖ 070 (574) (09)

«ҚАЗАҚ» ГАЗЕТІ ЖӘНЕ ТЕРМИН МӘСЕЛЕСІ

К.Т. Қабатаева

*Қазтұтынуодағы Қарағанды экономикалық университеті,
Қарағанды қ.*

Төңкеріске дейінгі қазақ баспасөзінің тарихын, жай-күйін Х. Бекхожин [1], Б. Кенжебаев [2], Т. Амандосов [3], Ү. Сүбханбердина [4], т.б. белгілі ғалымдар зерттеп, жазып шықты. Бірақ, белгілі бір себептермен бұл еңбектерді «Қазақ», «Сарыарқа», «Ақ жол» т.б. газеттер объективті бағасын ала алмады. Олар жөнінде сөз бола қойған күннің өзінде де жөнсіз сығау, басым болды.

Жалпыхалықтық революциялық қозғалыстың әсерімен 1906 жылы ақпанда «Қазақ газеті» де шықты. Б. Кенжебаевтың айтуынша, «Қазақ газеті» 1907 жылы шыққан сияқты. Біз «Торғай газетінде» басылған материалдарды зерттеу үстінде, оның 1906 жылғы бір нөмірінің бетінен «Новая киргизская газета» деген библиографиялық заметканы кездестірдік. Онда «И» деп қол қойған бір автор былай деп жазған: «Біз қолымызға Оренбург губерниясындағы Троицк қаласында жаңа шыға бастаған «Қазақ газетінің» 2 февральдағы 1-ші /пробный/ номері келіп түсті [5].

Бұған қарағанда бұл газеттің 1907 жылы наурыз айында емес, 1906 жылы ақпанда шыққаны анықталды. Заметкада бұл «газеттің редакторы Х. Сосковский, бастырушы Қостанайдың қазағы Е. Иманбаев» екені, газет орыс және араб әрпімен екі тілде, орыс және қазақ тілінде басылатыны айтылған.